

В. С. Воронцов

**«...ОБРАТИТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ
НА НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИНЯТИЯ МЕР
К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗАКОННОГО ПО ДЕЛУ
ПОРЯДКА...».**

К 120-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ «МУЛТАНСКОГО ДЕЛА»*



В коллекции документов ЦГА УР имеется подборка материалов по так называемому «Мултанскому делу» – ложному обвинению крестьян-удмуртов с. Старый Мултан в ритуальном человеческом жертвоприношении. Несмотря на многочисленные нарушения, допущенные полицейскими и следственными органами в ходе расследования преступления, 7 из 10 привлеченных по делу удмуртов были признаны виновными и осуждены на каторжные работы. Известно, что благодаря вмешательству В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, В. И. Суходоева, П. М. Богаевского, Ф. А. Патенко, Э. Ф. Беллина и др., дело получило общероссийский резонанс. Сенат специальным указом отменил решение суда, был назначен повторный судебный процесс. Однако только на третьем судебном процессе, который состоялся с 28 мая по 4 июня 1896 г. в г. Мамадыше, адвокатам подсудимых удалось доказать незаконность действий полицейских и следственных чинов, разоблачить необоснованность выводов медицинской и этнографической «экспертизы». В результате все осужденные крестьяне-удмурты были оправданы. Уникальность ситуации заключается в том, что Сенат как высший судебный орган Российской империи дважды отменял решения суда по Мултанскому делу. В статье публикуется Рапорт Обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената А. Ф. Кони Министру юстиции Российской империи Н. В. Муравьеву, свидетельствующий о многочисленных нарушениях, допущенных следственными органами в ходе расследования Мултанского дела. К документу прилагаются пояснительная статья и комментарии.

Ключевые слова: Мултанское дело, национальная политика, борьба с язычеством, предрассудки, фальсификации, сенат, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони.

* Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания образовательным организациям высшего образования и научным организациям, подведомственным Министерству образования и науки РФ, по теме «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики РФ в регионах Приволжского федерального округа (Республики Удмуртия, Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Пермский край)».



В июне 2016 г. исполнилось 120 лет со дня окончания судебного процесса по так называемому Мултанскому делу. Судебный процесс по ложному обвинению крестьян-удмуртов с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губ. (ныне с. Короленко Кизнерского р-на УР) в принесении человеческой жертвы языческим богам получил в сер. 1890-х гг. широкий общественный резонанс. Интерес к нему сохраняется и поныне [1].

Основанием для возбуждения уголовного преследования стало обнаружение 5 мая 1892 г. тела русского нищего на тропе между деревнями Анык и Чулья. Следствие, длившееся почти два с половиной года, возглавил товарищ прокурора Сарапульского окружного суда Н. И. Раевский. Опираясь на слухи и домыслы, стремясь во что бы то ни стало доказать ритуальный характер преступления, он и его подчиненные допустили многочисленные нарушения, включая избияния обвиняемых, подлог улик, запугивание свидетелей и др. Несмотря на очевидную фальсификацию доказательств, на выездном заседании Сарапульского уездного суда, состоявшегося в г. Малмыже 10–11 декабря 1894 г., было объявлено о виновности 7 из 10 привлеченных по делу удмуртов. Защитник мултанцев адвокат М. И. Дрягин подал кассационную жалобу в Министерство юстиции – и проведенное расследование выявило целый ряд упущений, неправильных и противозаконных действий полицейских и судебных чинов. Специальным указом Сенат отменил решение суда и назначил новый процесс, к которому рекомендовал привлечь профессиональных экспертов – этнографов и врачей.

Новый судебный процесс состоялся 29 сентября – 1 октября 1895 г. в г. Елабуге и вновь закончился вынесением обвинительного приговора. Присутствовавшие как корреспонденты газеты «Вятский край» В. Г. Короленко, А. Н. Баранов и В. И. Суходоев застенографировали весь ход судебного разбирательства. Публикуя отчет о Мултанском процессе, В. Г. Короленко призвал передовую часть российского общества прийти на помощь крестьянам. Известные ученые П. Н. Луппов, П. М. Богаевский, В. К. Магницкий в печати и выступлениях указывали на отсутствие этнографических данных, свидетельствовавших о человеческих жертвоприношениях среди удмуртов. После всестороннего анализа материалов первичной медицинской экспертизы, ведущие специалисты в области судебной медицины Ф. А. Патенко и Э. Ф. Беллин признали несостоятельными выводы обвинения.

По новой жалобе защитника М. И. Дрягина Сенат назначил третье разбирательство. На судебном процессе (28 мая – 4 июня 1896 г. в г. Мамадыше) адвокатам подсудимых М. И. Дрягину, В. Г. Короленко, П. М. Красникову и Н. П. Карабчевскому удалось разоблачить незаконные действия полиции в ходе предварительного следствия и доказать необоснованность выводов медицинской и научной «экспертизы». Подсудимые были оправданы.

Для многонациональной России Мултанское дело, к сожалению, не было уникальным. Практика фабрикация «ритуальных процессов», питаемая средневековыми легендами о человеческих жертвоприношениях, в период николаевской реакции получила широкое распространение. Именно тогда борьба с язычеством становится официальным курсом правительства. В 1848–1852 и 1854–1854 гг. были проведены следствия над крестьянами д. Новой Бии и д. Пазял-Жикьи Малмыжского уезда, обвиненными в ритуальном убийстве. Большую известность



приобрело также Саратовское дело (1853 г.), по которому обвинение в человеческих жертвоприношениях предъявили евреям и немцам. В условиях многонациональной страны фабрикация «ритуальных дел» порождала слухи и толки, предубеждения и недоверие у русского населения в отношении «иностранцев».

Оправдательный приговор по Мултанскому делу стал блестящей победой передовой российской общественности, представители которой приняли деятельное участие в судьбе оклеветанных мултанцев, а в их лице – в судьбе всего удмуртского народа. Один из них – А. Ф. Кони, в тот период обер-прокурор уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Это был человек либеральных взглядов, широкой публике он стал известен в 1878 г. как судья, оправдавший революционерку-террористку Веру Засулич. Благодаря высокому профессионализму, особенно в сфере уголовного судопроизводства, А. Ф. Кони пользовался большим авторитетом в обществе. Именно на его рассмотрение попала жалоба М. И. Дрягина, и с его подачи Сенат отменил обвинительное решение суда. По настоянию А. Ф. Кони был отменен также приговор, вынесенный на втором судебном процессе.

Вспоминая об этом деле, А. Ф. Кони писал: «Вторичная отмена обвинительного приговора по делу вотяков возбудила в петербургских официальных сферах значительное неудовольствие. При первом служебном свидании со мною министр юстиции Муравьев выразил мне свое недоумение по поводу слишком строгого отношения Сената к допущенным судом нарушениям и сказал о том затруднительном положении, в которое он будет поставлен, если государь обратит внимание на то, что один и тот же суд по одному и тому же делу два раза постановил приговор, подлежащий отмене. А что такой вопрос может быть ему предложен, Муравьев заключил из того, что Победоносцев, далеко не утративший тогда своего влияния, никак не может примириться ни с решением Сената вообще, ни в особенности с тем местом моего заключения, где я говорил, что признание подсудимых виновными в человеческом жертвоприношении языческим богам должно быть совершено с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства <...>. Я думаю, – сказал я ему, что в этом случае ваш ответ может состоять в простом указании на то, что кассационный суд установлен именно для того, чтобы отменять приговоры, постановленные с нарушением коренных условий правосудия, сколько бы раз эти нарушения ни повторялись...» [2].

В Коллекции копий документов по истории Удмуртии, выявленных в государственных архивах, музеях и библиотеках России (ф. Р-1655) имеется дело по обвинению крестьян-удмуртов деревни Старый Мултан за 1895 г., поступившее в архив из РГИА в виде ксерокопии в 2000 г. В нем содержится рапорт обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената А. Ф. Кони министру юстиции Н. В. Муравьеву от 28 марта 1895 г., в котором он подробно излагает происшедшие в Мултане события и анализирует ход следствия, фиксируя многочисленные упущения, неправильные и противозаконные действия и полицейских, и судебных чинов.

Рапорт написан черными чернилами, аккуратным, крупным почерком. Имеются резолюция на первой странице документа, подчеркивания и пометы на полях, сделанные черными чернилами, скорописью. Их авторство не установлено.



Публикуем его полностью. Текст соответствует современным правилам правописания, но сохраняет стилистические особенности подлинника. Встречающиеся в оригинале сокращения и недописанные слова восстановлены и воспроизведены в скобках. Неразобранные слова отмечены отточием. Резолюция воспроизводится после текста документа, пометы – в подстрочных примечаниях. Редакционный текст в них выделен курсивом.

Кроме рапорта, в деле имеются копия заключения о прекращении следствия о крестьянах села Старый Мултан, обвиняемых в убийстве с целью жертвоприношения, от 27 июля 1894 г., а также копия с копии резолюции Сарапульского окружного суда от 1 октября 1895 г. с опросным листом присяжных заседателей. Они не публикуются.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии к. и. н. В. С. Воронцова.

**Рапорт Ober-прокурора уголовного кассационного департамента
Правительствующего сената А. Кони Министру юстиции, тайному
советнику и кавалеру Н. В. Муравьеву**

28 марта 1895 г.

24 августа 1894 г. определением Казанской судебной палаты (в составе председателя Л. И. Грасса и членов Б. В. Онуфровича, С. Д. Бабушкина, В. И. Бармалеева, И. И. Фурсенко, Б. Б. Бера по докладу Б. В. Онуфровича, в присутствии товарища прокурора Н. Ф. Миллера) был утвержден обвинительный акт товарища прокурора Сарапульского окружного суда Раевского, о предании суду с участием присяжных заседателей крестьян села Старого Мултана Сарапульского уезда: Андриана Андреева, 38 лет, Дмитрия Степанова, 31 года, Андриана Александрова, 43 лет, Кузьмы Самсонова, 40 лет, Василия Кондратьева, 37 лет, Семена Иванова, 50 лет, Василия Кузьмина Кузнецова, 39 лет, Андрея Григорьева, 90 лет, Александра Ефимова, 60 лет, Тимофея Гаврилова, 35 лет и Максима Гаврилова, 31 года, по обвинению их в совершение убийства, с обдуманном заранее намерением, в ночь на 5 мая 1895 г. крестьянина дер. Заводы Конона Матюнина, с целью принесения его в жертву вотским языческим богам.

На основании решения присяжных заседателей, приговором Сарапульского окружного суда, состоявшимся 10–11 декабря 1894 г. (в составе председательствовавшего члена суда Н. А. Горицкого, членов суда Н. Н. Ольшамовского, почетного мирового судьи Батуева, при участии товарища прокурора Н. Н. Раевского), признаны виновными в убийстве кр-на Матюнина, с целью жертвоприношения вотским языческим богам, крестьяне: Андриан Андреев, Дмитрий Степанов, Кузьма Самсонов, Василий Кондратьев, Семен Иванов, Василий Кузнецов и Андрей Григорьев и приговорены по I ч. 1454, 2 ст. 19 ст. улож. о нак., 828 ст. у.у.с., 4 ст. 19 ст. улож. о нак. к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 10 лет, с заменой сего наказания, согласно 74 ст. улож. о нак., для Андрея Григорьева ссылкой на поселение в отдаленные места Сибири. Остальные обвиняемые по сему делу признаны по суду оправданными.

* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – кодификация уголовного права дореволюционной России. В редакции 1885 г. действовало до 1917 г.

** Устав уголовного судопроизводства – принят в рамках судебной реформы 1864 г. Устанавливал либеральные принципы рассмотрения уголовных дел судами (суд присяжных, состязательность судопроизводства и др.).



Рассматривавший во всей подробности, по моему поручению, это дело и. д. товарища обер-прокурора Коптев, подготовляя его к докладу в Правительствующем сенате, довел до моего сведения, что им усмотрен в деле целый ряд упущений, неправильных и явно противозаконных действий как со стороны полицейских чинов, так и чинов судебного ведомства, принимавших участие в производстве сего дела с момента его возникновения и до его разрешения.

6 мая 1892 г., на лесной тропинке из дер. Чульи в дер. Анык был обнаружен труп неизвестного человека без головы проходившею утром двенадцатилетнюю девочкою Марфю Головизниной. 7 мая прибыл на место происшествия по извещению родителей Головизниной полицейский урядник Соковиков и приступил к дознанию. Усмотрев из документов, оказавшихся в мешке, найденном на месте преступления, что тело принадлежит кр[естьянину] с. Завода Ныртов Матюнину, и, не составив при этом протокола осмотра окружающей местности и положения тела, полицейский урядник 7 мая донес о найденном теле судебному следователю 2 уч. Малмыжского уезда, присовокупив, что голова и вынутые из грудной полости внутренности не разысканы и вырезаны, как можно полагать, по суеверию вотяков или кладоискателей, причем определить отрезана ли голова при жизни или после смерти найденного человека он не может.

9 мая о том же сообщил судебному следователю пристав 3 стана Малмыжского уезда, который 10 числа того же месяца прибыл на место и произвел наружный осмотр тела, по которому оказалось, что голова была отрезана с шеей почти у самых плеч, в грудной полости виднелась запекшаяся кровь, тогда как кругом тела крови не было, и на животе замечалось несколько небольших коросточек, затянутых запекшеюся кровью. Тело было одето в крестьянскую одежду, и ноги обуты в лапти, но веревки их казались затянутыми слабо, за плечами была котомка, на вороте рубахи и зипуне замечалось немного крови. Возле трупа найден крест с обрезанной веревкой и несколько прядей русских, выходящих волос с оторванными частями кожи.

Почерпнув из народной молвы сведения, что у вотяков через 40 лет совершаются жертвоприношения человека, у которого для моления вотяками вырезается голова и сердце, становой пристав Тимофеев обратил внимание на соседнее полуводское село Старый Мултан и приступил там к розыскам, причем во дворе крестьянина Моисея Дмитриева нашел корыто, запачканное кровью, и в клети полог с кровавыми пятнами. Не составив по этому поводу особого протокола выемки, в порядке, установленном 258 ст. у.у.с., и не сделав подробного осмотра этим вещам, становой пристав отобрал их к делу и приступил к осмотру общественного шалаша, устроенного для молений вотяков на задах двора Дмитриева, причем обратил внимание на влажность земляного пола в его середине, а потому тогда же постановил заключить крестьянина Моисея Дмитриева под стражу. 13 мая становой пристав препроводил к судебному следователю составленный об изложенном общий протокол дознания.

Донесение полицейского урядника на имя судебного следователя, посланное 7 мая, не помечено числом его получения, уведомление же станового пристава от 9 мая значится поступившим к следователю 13 мая.

Того же числа и.д. судебного следователя Казанский составил постановление о принятии дела к производству по сообщению пристава от 9 мая за № 481, причем в том же постановлении значится распоряжение о приглашении уездного врача для вскрытия тела на 15 мая и объявлении в силе принятой против Дмитриева меры пресечения становым приставом содержания под арестом, впредь до выяснения обстоятельств дела*.

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.



14 мая судебным следователем была получена от уездного врача Минкевича телеграмма следующего содержания: «Тринадцатого не прибуду, уведомлю отношением». Обещанного уведомления однако при деле нет, какие причины помешали врачу явиться по вызову судебного следователя неизвестно и телеграмма его не вызвала со стороны следователя никаких распоряжений*.

17 мая и. д. судебного следователя Казанский прибыл в с. Мултан, но ограничился лишь следующими немногими следственными действиями: осмотром молитвенного мирского шалаша во дворе Андреевых. При этом, осмотром было установлено, что как в том, так и в другом шалаше земля на полу сырая. Не выяснив причин сего обстоятельства, может быть вполне естественного, судебный следователь взял с поверхности пола несколько горстей земли для производства исследования и, раскопав землю, в которой были найдены остатки костей животных, тем ограничился. Протоколами судебного следователя удостоверяется, что более ничего подозрительного не найдено, между тем из последующего видно, что тот же шалаш подвергался осмотру еще три раза в разное время (2 июля 1892 г., 16 августа 1893 г. и 17 августа 1893 г.) и каждый раз находились волосы, подвергавшиеся исследованию и появившиеся на суде в качестве вещественных доказательств.

Допросивши в продолжение 18 и 19 мая нескольких свидетелей, из коих 19 числа был допрошен всего лишь один свидетель Щербаков, и. д. судебного следователя Казанский не произвел ни наружного осмотра мертвого тела, ни окружающей его местности, ни тех предметов (корыта и полога) с усмотренными на них становым приставом следами крови, не допросил арестованного, в прямое нарушение 398 ст. у.у.с., приставом крестьянина Моисея Дмитриева и, как следует полагать, выехал из с. Мултан, приостановив дальнейшее производство следствия по причинам неизвестным, при этом поручил полицейскому уряднику упомянутые вещественные доказательства доставить к нему в камеру, что и было исполнено 2 июня.

29 мая следователь письменно предложил становому приставу дознать: кто из лиц, совершающих обряды жертвоприношений в общественных шалашах крестьян вотяков с. Мултан, пользуется наибольшим влиянием в вопросах их религиозных верований и усердно посещает означенные моления.

Затем 30 мая судебным следователем была получена приобщенная к делу телеграмма уездного врача Минкевича такого содержания: «Возвратился сегодня, прибуду Мултан четвертого, согласны?». Надо полагать, что судебный следователь изъявил свое согласие, так как 4 июня вскрытие мертвого тела в его присутствии состоялось на месте его нахождения, т.е. через месяц после того, как оно было обнаружено.

Из акта судебно-медицинского исследования от 4 июня 1892 г. впервые узнается, что мертвое тело крестьянина Матюнина было оставлено в лесу положенным в свежевырытую яму. В этом же акте значится, что труп был найден раздетым при полицейском осмотре, чего не видно из акта полицейского дознания. О степени гнилости тела в акте умалчивается. Особого протокола осмотра и вскрытия тела от своего имени судебный следователь, вопреки указаниям, преподанным в решении общего собрания кассационных департаментов Правительствующего сената 1882 г. (№ 49), не составил и после вскрытия выехал из с. Мултана. Между тем, становым приставом, проводившим дознание по вышеуказанному предложению судебного следователя, 3 июня 1892 г., т. е. накануне дня вскрытия тела, были подвергнуты аресту крестьяне с. Мултан Михаил Титов, Андриан Андреев, Семен Яковлев, Дмитрий Степанов, Трофим Максимов, Степан Петров и Илья Терентьев на основании сведений, сообщенных ему волостным старшиной о том, что кр[естьянин] Михаил Титов ему в частном разговоре передавал, что Матюнин зарезан

* На полях помета: Согл[асно] телеграммы... врач был в уезде.



или в общественном шалаше Моисея Дмитриева, или в шалаше Семена Иванова, в чем принимали участие крестьяне: Андрей Григорьев, Александр Ефимов, Тимофей и Максим Гавриловы, остальные же принадлежат к наиболее влиятельным в среде вотяков лицам и принимают участие в их религиозных обрядах.

Вскрытие производилось в трех верстах от с. Мултана, на вскрытии присутствовали понятые, приглашенные из того же села, поэтому представляется маловероятным, чтобы судебный следователь не знал о том, что произошло в селе Мултане накануне дня вскрытия, между тем дознание пристава об изложенном помечено поступившим к судебному следователю 10 июня 1892 г.*

Несмотря на то, что в дознании станового пристава не заключалось никаких других данных для обвинения семи человек, им арестованных без достаточных к тому оснований, и. д. судебного следователя Казанский, с получением сего дознания, не сделал никакого распоряжения в отношении задержанных и замедлял свой выезд для производства следствия**.

15 июня им допрошен в селе Старом Трыку местный волостной старшина Степан Попугаев. Задержанные же по распоряжению станового пристава Моисей Дмитриев с 10 мая и остальные семь человек с 3 июня, содержавшиеся в том же селе при местном волостном правлении, оставлены были судебным следователем и на этот раз без допроса. Допросив волостного старшину, следователь, по-видимому, выехал из названного села, так как в промежуток времени с 15 по 20 июня им никаких следственных действий по названному делу не предпринималось. В означенное же число следователь допросил кр[естьянина] дер. Кузнерки Николая Санникова в своей камере и того же числа впервые произвел осмотр присланных полицией вещей: корыта и полога, отобранных у Дмитриева, которым установлено присутствие на них только кровавых пятен***.

Насколько тщательно был произведен этот осмотр, видно из того, что когда эти предметы были отосланы судебным следователем 15 сентября 1892 г. в медицинский департамент, то там осмотром их, произведенным при вскрытии тюка, обнаружен присохший к стенкам корыта пучок коротких рыжих волос****.

Нельзя не заметить, что допущенная медленность отсылки этих предметов для химико-микроскопического исследования пятен в медицинском департаменте лишила возможности определить, принадлежит ли кровь человеку или млекопитающему животному, так как ко времени исследования кровавые шарики изменили свою форму и величину.

28 июня 1892 г. судебным следователем постановлено о привлечении в качестве обвиняемых в убийстве Конона Матюнина, для принесения его в жертву языческим богам, крестьян села Мултан вотского племени: Моисея Дмитриева, Степана Петрова, Дмитрия Степанова, Михаила Титова, Трофима Максимова, Семена Яковлева, Андриана Андреева, Максима Гаврилова, Александра Ефимова, Тимофея Гаврилова, Ильи Терентьева, Андриана Александрова и Семена Иванова. Из них по протоколам судебного следователя значатся допрошенными того же 28 июня в д. С.-Трыку: Моисей Дмитриев, Степан Петров, Михаил Титов, Александр Ефимов, Тимофей Гаврилов, Илья Терентьев, Андрей Григорьев и Дмитрий Степанов. Остальные опрошены 29 июля, и тем же числом, если только это не ошибка писавшего протоколы, значится составленным постановление (с поправкой в его числе с 28 на 29) о принятии против Моисея Дмитриева, Дмитрия Степанова, Степана

* На полях помета: Пристав не присутствовал.

** На полях помета: Результат вскрытия. Показание Попугаева, которому говорил Титов. Положение задерж[анных].

*** На полях помета: А что же еще на них могло оказаться?

**** На полях помета: Посл[ано] 5 сент. Исполн[енное] получен[о] 22 декабря 1892 г.



Петрова и Михаила Титова, для пресечения способов уклоняться от суда, содержания под стражею в тюремном замке и об учреждении надзора полиции над остальными.

Таким образом, Моисей Дмитриев, задержанный приставом 10 мая, содержался без допроса до 28 июня 1892 г., Михаил Титов, Андриан Андреев, Семен Яковлев, Дмитрий Степанов, Трофим Максимов, Степан Петров и Илья Терентьев, задержанные приставом 3 июня, допрошены 28 июня и 29 июля.

По актам предварительного следствия нельзя установить, заключается ли в протоколах допроса названных лиц от 29 числа и в постановлении от того же числа простая ошибка, или же действительно, лица эти допрашивались не в июне, а в июле, и обстоятельство это может быть выяснено лишь расследованием*.

Вместе с тем, статский советник Коптев не может не заметить, что некоторые обстоятельства свидетельствуют в пользу того предположения, что лица эти были допрошены, и постановление о мере пресечения способов уклоняться от суда было составлено только в июле месяце, так как в заголовке последних протоколов, в отличие от первых, не упоминается о том, что обвиняемые допрошены согласно постановлению от того же 28 июня, как об этом упоминается в первых, затем следует отметить и тот факт, что в течение июля месяца никаких других следственных действий по настоящему делу не предпринималось. Кроме того, двое из последних обвиняемых Андриан Александров и Семен Иванов показаны допрошенными в другом месте, а именно в с. Старом Мултани.

Выше было упомянуто, что общественный шалаш для вотских молений во дворе Моисея Дмитриева подвергался осмотру 13 мая 1892 г. становым приставом и 17 того же мая судебным следователем, после чего, судя по протоколам следствия, не видно, чтобы он был опечатан и доступ в него посторонним лицам был прегражден. Между тем 4 июля становой пристав препроводил к судебному следователю составленный им новый протокол осмотра этого шалаша 2 июля, предпринятый, как это видно из самого протокола, на том основании, что во время вскрытия трупа на ногах Матюнина были замечены повреждения, которые могли произойти от подвешивания его тела. Во время этого осмотра, на одном из брусьев была усмотрена приставом прядь остриженных волос, по заключению названного должностного лица сходных с волосами, оказавшимися на месте нахождения трупа**.

Только 10 августа 1892 г. судебный следователь произвел осмотр и сличение этих волос с волосами, найденными возле трупа, причем констатирован тот факт, что между последними попадаются седые волосы, чего нет в волосах, найденных в шалаше.

Более месяца спустя, именно 23 сентября 1892 г. за № 902 судебный следователь отправил эти волосы для исследования во врачебное отделение Вятского губернского правления***. Из акта врачебного отделения видно, что волосы получены от следователя в двух пакетиках: по № 1 – с надписью: «Волосы, найденные у трупа Конона Матюнина» и по № 2 – с надписью: «Волосы, найденные в шалаше Дмитриева». В числе последних, в количестве 97 волосков, по заключению врачебного отделения, 5 волосков принадлежат человеку, остальные животным, причем, эти 5 волосков не принадлежат тому лицу, с которого сняты волосы, заключающиеся в пакете под №1.

Более чем год спустя после последнего осмотра мирского шалаша, находящегося во дворе Дмитриева, а именно 16 августа 1893 г., становой пристав 4 стана Малмыжского

* На полях помета: Совершенно ясно 29 июня, ибо ... этого протокола получена 9 июля переписка.

** На полях помета: Между 29 июнем и 10 авг[уста] ни одного след[ственного] дей[ствия].

*** На полях помета: Пост. 5 сент[ября] получено, исполнено 24 окт[ября].



уезда снова произвел осмотр того же шалаша, без объяснения поводов к такому осмотру, и в нем нашел два стола со следами крови, а на верхней перекладине, в том самом месте, где и прежде были отысканы волосы, еще один прилипший к дереву тонкий, длинный рыжий волос и несколько мелких волосков.

Вслед за тем 17 августа 1893 г. и. д. судебного следователя Казанский в присутствии товарища прокурора Раевского, снова произвел осмотр того же шалаша и на той же перекладине усмотрел еще несколько белых тонких волосков, о приобщении которых к делу постановления не составил и размер которых не описал*.

15 сентября судебный следователь отослал для исследования и сравнения с волосами покойного Матюнина, в Вятское врачебное отделение волоса, неизвестно когда и кем найденные и точно им неописанные.

Только в акте врачебного отделения заключается надлежащее, точное описание этих волос, и оказывается, что их было всего три, из которых: один – длинный рыжий и два седых. По исследованию и сравнению этих волос с таковыми же, найденными у трупа, врачебное отделение нашло, что один из трех, седой волос, принадлежит человеку и по своему строению похож на волоса Матюнина. Таким образом, приведенное исследование как бы создало новую улику против обвиняемых, основанную на волосе, найденном в мирском шалаше через год и три месяца после убийства Матюнина.

Отсутствие в деле точных сведений, какие именно волосы, когда и откуда взятые, подвергались исследованию в сем случае, дало основание защитнику просить на суде разъяснений: откуда взялся седой волос, схожий с волосами Матюнина, но суд никакого разъяснения по этому поводу дать не мог, между тем в заключительной речи, как утверждает защитник, председательствовавший упоминал об этом, как он выразился, предательском волосе, и обстоятельство это не отвергается объяснением суда.

Кроме описанных неправильных действий во время медленно производившегося, с большими промежутками времени, следствия, из дела усматриваются и другие упущения.

Так, нельзя не обратить внимания на то, что и. д. судебного следователя Казанский произвел осмотр местности, в которой найден труп Матюнина, только вследствие письменного предложения товарища прокурора Раевского от 10 января 1893 г., 13 числа того месяца, т.е. через 8 месяцев после того, как было обнаружено убийство.

14 января 1893 г. им произведен осмотр кровавых пятен на одежде кр[естьяни] на Кузьмы Самсонова (мясника по профессии)**, привлеченного к делу в качестве обвиняемого 2 декабря 1892 г., присланной полицейским урядником при рапорте от 1-го того же декабря***, какового при деле однако совсем нет, и обстоятельства, при которых одежда взята у Самсонова, устанавливаются лишь допросом полицейского урядника Саковикова, показавшего, что он по поручению товарища прокурора ездил в с. Мултан для осмотра дома Самсонова и там, в отсутствии последнего, 30 ноября 1892 г. нашел рубашку и штаны в крови.

По предложению товарища прокурора Раевского от 10 января 1893 г., обвиняемые Степан Петров и Михаил Титов, заключенные судебным приставом под стражу, были освобождены под особый надзор полиции, но 31 июля того же года пристав 4 стана снова арестовал того же Михаила Титова, на том основании, что он сознался в убийстве Матюнина. Также поступил становой пристав и с оставленным на свободе судебным следователем обвиняемым Семеном Ивановым. Составленные о том постановления,

* Абзац выделен на полях двумя параллельными линиями.

** На полях помета: Для исслед. посланы 16 янв[аря], получено 13 февр[аля]» (л. 28).

*** На полях помета: «Получено 4 дек[абря]» (л. 28).



с дознанием станового пристава, поступили к судебному следователю 5 августа 1893 г., но своевременно не вызвали с его стороны никаких распоряжений*.

Только 17 числа того же августа судебный следователь прибыл в с. Мултан и, передопросив Семена Иванова, постановил о содержании его под стражей. Михаил же Титов оказался к тому времени освобожденным из под ареста по распоряжению самого пристава.

Возникшее 13 мая 1892 г. по этому делу следствие, благодаря медленности, которую обнаруживал судебный следователь, было закончено лишь в июне 1894 г.

При направлении сего дела товарищем прокурора Сарапульского окружного суда Раевским был составлен обвинительный акт в отношении вышепоименованных лиц и заключение о прекращении следствия по обвинению Моисея Дмитриева и его жены Василисы за их смертью, Степана Петрова, Ильи Терентьева, Трофима Максимова, Семена Яковлева и Михаила Титова ввиду того, что все они были привлечены к делу в качестве обвиняемых на том только основании, что исполняли в с. Мултани обязанности жрецов, а Михаил Титов, кроме того, потому, что способствовал раскрытию убийства и его виновников и должен являться в этом деле главным свидетелем.

Названный Михаил Титов, вызванный в качестве свидетеля, однако на суде не оправдал возлагавшиеся на него надежды и заявил, как о том заверяет протокол судебного заседания, что показания, данные им на следствии, были вынуждены побоями и истязаниями станового пристава.

Обращаясь к составленному товарищем прокурора Сарапульского окружного суда обвинительному акту, статский советник Коптев находит, что в нем допущено не вполне точное и верное изложение материала, собранного предварительным следствием, и даже некоторое извращение обстоятельств во вред подсудимым. Так, например: относительно корыта и полога, найденных у Моисея Дмитриева, в акте значится, «что, по исследовании в медицинском департаменте, кровь как в корыте, так и на пологе оказалась от млекопитающих животных», между тем, из сообщения медицинского департамента на имя судебного следователя видно, что ввиду разрушения кровяных шариков, источник происхождения пятен на пологе определить нельзя. Далее в акте говорится, что на двух перекладах, вдоль всего мирского шалаша для молений во дворе Дмитриева найдено множество волос от животных и, в том числе, один волос, по исследованию врачебного отделения, вполне сходный с волосами Матюнина, приставшими к его телу, но при этом умалчивается о том, когда, при каких обстоятельствах и кем волосы эти были обнаружены, тогда как совокупность именно этих данных совершенно подрывает значение этой улики. Далее, приводя данные, собранные следствием по отношению к обвиняемому Кузьме Самсонову, товарищ прокурора заносит в обвинительный акт следующее: «Что касается последнего, то с самого момента убийства Матюнина в народе держался упорный слух о том, что резал нищего (Матюнина) Кузьма Самсонов, известный за лучшего мясника в Старом Мултани». Затем удостоверяется, что при обыске в его доме найдены рубашка и штаны с пятнами крови, умалчивая при этом, что названная одежда была взята полицейским урядником в доме Кузьмы Самсонова 30 ноября 1892 г., т. е. через семь месяцев после того, как совершено преступление. Далее говорится, что свидетель Алексей Иванович Стуков удостоверил, что Кузьма Самсонов сознался ему в убийстве Матюнина, умалчивая об обстоятельствах, при которых это происходило по объяснению самого свидетеля, отнимающих всякую веру в правдивость его показания и т. д.

Независимо от сего, нельзя выразить крайнего удивления, что по этому делу, выходящему из ряда обыкновенных по самому способу лишения жизни человека и требо-

* От слов но 31 июля до слов станового пристава абзац на полях выделен квадратной скобкой (л. 29).



вавшему обстоятельных ответов врача-специалиста на многие вопросы, для выяснения предъявленного к подсудимым обвинения, врач-эксперт совсем к судебному заседанию не вызывался. Это тем более представляется непонятным, что в заключении врача, производившего вскрытие тела Матюнина, нет объяснения тем описываемым в протоколе наружного осмотра тела становым приставом коросточкам с запекшейся кровью на животе покойного, которые в акте врача описываются как буроватые пятнышки, как бы обожженные и проникающие в подкожную клетчатку. Между тем наличие этих пятнышек, по-видимому, ставится в связь с приводимыми обвинительным актом рассказами о том, как вотяками извлекается из их жертв кровь во время молений.

Нельзя не выразить вместе с тем и сожаления по поводу того, что обвинительная власть, начиная с товарища прокурора окружного суда, наблюдавшего за производством следствия, и кончая судебной палатой, утверждавшей обвинительный акт, не пришла на помощь к судебному следователю, тщетно искавшему сведущее лицо в религиозных верованиях вотяков, в видах освещения собранного следствием материала и устранения из дела всего того, что не оправдывается научными исследованиями. Тогда как по вопросу о религиозных верованиях вотяков, распадающихся на множество отдельных племен и религиозных союзов, и в частности вотяков Сарапульского уезда, имеется целая литература (Богаевского «Очерки быта Сарапульских вотяков», Смирнова «Вотяки», Островского «Вотяки Казанской губернии», Верещагина «Вотяки Сарапульского уезда, Первухина и др.).

Из вышеизложенного усматривается, что, несмотря на явно неправильные и даже прямо противозаконные действия и. д. судебного следователя 2 уч. Малмыжского уезда Казанского по производству предварительного следствия по делу особой важности Казанская судебная палата, передавая обвиняемых суду, не обратила на них должного внимания и определением своим от 24 августа 1894 г. признала следствие произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства.

Нельзя не коснуться, наконец, и происходившего в судебном заседании по делу об убийстве Конона Матюнина, о содержании жалобы защитника подсудимых частного поверенного Дрягина, поданной им в дополнение к кассационной жалобе 10 сего марта месяца. Если описываемое в ней и преувеличено, то во всяком случае многое находит себе подтверждение в самом производстве и в объяснениях, предъявленных судом по замечаниям на протоколе судебного заседания.

Так, например, представляется по делу несомненным и достаточно доказанным, что на суде был дан слишком широкий простор всяким непроверенным слухам по поводу события преступления и верований вотяков, что требование 718 ст. у.у.с. не было исполнено, что председательствующий по настоящему делу обнаруживает недостаточное знание дела, допустив ошибочные объяснения присяжным заседателям по поводу вещественных доказательств и результатов их исследования, что судом не было принято зависящих и совершенно необходимых мер к разъяснению поднятого защитой вопроса о том, когда, кем и при каких обстоятельствах приобщены к делу в качестве вещественного доказательства волосы, подвергавшиеся исследованию врачебным отделением.

Вполне разделяя высказанные статским советником Коптевым соображения о ряде неправильных, противозаконных и в смысле неправосудия выдающихся действий, допущенных по этому делу, я поручил ему обратить в заключении своем пред Правительствующим сенатом особое внимание высшего судилища на необходимость, согласно 534 ст. у.у.с. и 249, 249.1 и 250 ст. учр. суд. уст., принятия мер к восстановлению неисполненного палатою законного по делу порядка и, вместе с тем, считаю долгом о всем вышеизложенном представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, присовокупляя, что дело слушается в Правительствующем сенате 15 апреля и что по-



следовавшая резолюция будет представлена немедленно Вам в дополнение к настоящему представлению.

И. о. обер-прокурора

А. Кони

ЦГА УР. Ф.Р-1655. Оп. 3. Д. 62. Л. 4–40. Рукопись. Копия.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 96. Д. 5606. Л. 1–18 об. Рукопись. Подлинник.

Резолюция: Ныне же с прописанием изложенного в рапорте потребовать подробных сведений от прокурора Казанской суд[ебной] пал[аты], от... – объяснение от тов[арища] прок[урора] Сарапульского о[кругного] с[уда] Раевского, прокурора Сарап[ульского] о[кругного] с[уда] и тов. Прок[урора] Казанской суд[ебной] пал[аты] Миллера по поводу неправильных действий, допущенных при производстве дела. 30 марта*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Винберг А. И. Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990; Ванюшев В. М. Кин шоры «ыбылэ» Мултан уж? Ижевск, 1994; Буня М. И. Короленко в Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1995; Шепталин А. Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. Сарроро, 2003. С. 225–262; Мултанское дело: история и современный взгляд. Материалы научно-практической конференции. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000; История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

2. Кони А. Ф. На жизненном пути. Собр. соч. Т. 5, Л., 1929. С. 296–297.

Поступила в редакцию 27.07.2016

V. S. Vorontsov

"...Pay Particular Attention to the Necessity of Taking Action on Legal Order Restoration on the Case ...". On the 120th Anniversary of the End of the Multan Case

The collection of documents kept in the Central State Archive of the Republic of Udmurtia includes a selection of materials on the so-called "The Multan Case" which was false accusation of Udmurt peasants living in the village of Stary Multan of Malmyzhsky District in Vyatka Gubernia for making human sacrifices. Despite numerous violations committed by police and investigating authorities during crime investigation, seven of ten Udmurts involved in the case were found guilty and sentenced to hard labor. This case caused a huge national outcry owing to the Russian public representatives V. G. Korolenko, A. F. Koni, V. I. Sukhodoev, P. M. Bogayevsky, F. A. Patenko, E. F. Bellin, and others. The Senate issued a special decree falsifying the judgement and ordering a retrial. However, only in the third trial, which took place from May 28 to June 4, 1896 in the town of Mamadysh, the defendants' lawyers could prove the illegality of the actions taken by police and investigating authorities and could expose groundlessness of the conclusions of the medical and ethnographic "expertise". As a

* Подпись отсутствует.



result, all the prisoners were justified. The situation is unique as the Senate, the highest judicial authority of the Russian Empire, twice falsified a judgement on the Multan case. The article presents Chief Prosecutor at the Criminal Cassation Department of the Senate A. F. Cony's report to N. V. Muraviev, the Minister of Justice of the Russian Empire. The report described numerous violations made by investigating authorities during the investigation of the Multan case. Explanatory article and comments are attached to the document.

Keywords: Multan case, national policy, fight against paganism, superstitions, falsifications, Senate, V. G. Korolenko, A. F. Koni.

Воронцов Владимир Степанович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Vorontsov Vladimir Stepanovich,

Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru